

УДК 94(438).081
DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.6.01

Ю. А. Борисёнок

**Общество белорусско-литовских земель
в «большом XIX веке»**

Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли в 1772–1860 гг.: человек и общество. — Минск: Беларуская навука, 2022. — 335 с.

Борисёнок Юрий Аркадьевич
Кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация
E-mail: rodina2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4958-2799

Цитирование

Борисёнок Ю. А. Общество белорусско-литовских земель в «большом XIX веке» // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 443–457.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.6.01

Рецензия поступила в редакцию 15.01.2023.

Аннотация

В 2022 г. известный белорусский историк Елена Филатова выпустила в свет монографию о процессах социального развития на белорусско-литовских землях в 1772–1860 гг. Книга охватывает важный период для формирования имперской политики Петербурга на этой территории и механизмов адаптации местного общества к реалиям Российской империи. На основании разнообразных источников, в том числе архивных документов из хранилищ Беларуси, России, Литвы, Польши и Украины, исследовательница рассматривает различные стороны жизни общества белорусско-литовского региона в условиях перехода от традиций государственности Речи Посполитой к механизмам абсолютной монархии. Приоритетное внимание автора обращено к изменению социальной структуры, переменам в жизни различных общественных слоев и конкретных людей в условиях непростого времени, насыщенного войнами и повстанческими попытками. Монография обогащает и расширяет традиционные подходы к истории белорусско-литовских земель в «большом XIX веке», удачно дополняет привычную картину

событий факторами из сферы истории повседневности, привязкой фактов личной биографии людей той эпохи к историческому времени.

Ключевые слова

Белорусско-литовские земли, история Беларуси, история повседневности, «большой XIX век», белорусская историография, Е. Н. Филатова.

Белорусская историческая наука постепенно, но уверенно вырабатывает свои подходы и критерии для оценки принципиально значимых для становления государства и общества Беларуси событий и трансформаций «большого XIX века». В течение длительного периода исследования в этом направлении были сосредоточены в рамках так и не сформировавшейся до конца в марксистской историографии концепции революционного демократизма, а в последние тридцать с лишним лет пристальное внимание к революционерам и повстанцам всех мастей сменилось причудливым плюрализмом мнений и подходов. В этой ситуации весьма перспективными представляются попытки систематизации значимого исторического времени. Именно такую попытку в отношении социальной истории белорусско-литовских земель периода 1772–1860 гг. предприняла в своей монографии 2022 г. ведущий научный сотрудник Института истории НАН Беларуси Елена Николаевна Филатова¹.

Новая книга представляет собой развитие авторских подходов к проблемам рассматриваемой эпохи, которые были основательно представлены в публикациях 1990-х — 2010-х гг., посвященных сословной и конфессиональной политике самодержавия в Беларуси и политике русификации в условиях «инерционных процессов полонизации»².

¹ Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли в 1772–1860 гг.: человек и общество. Минск, 2022.

² Філатова А. М. Саслоўная палітыка царскага ўраду на Беларусі. 1772–1860 гг. // Гістарычны альманах. 2002. Т. 6. С. 56–83; Филатова Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси, 1772–1860 гг. Минск, 2006; Філатова А. М., Яноўская В. В. Палітыка русіфікацыі на беларускіх землях ва ўмовах інэрцыйных працэсаў паланізацыі // На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы. Мінск, 2011. С. 79–106 и др.

Е. Н. Филатова четко определяет справедливо вынесенный в название монографии термин «белорусско-литовские земли»: «На основе географического (а не этнического) критерия Витебская, Могилевская (а также, в ряде случаев, и Смоленская) губернии назывались белорусскими, Минская (до 2-й половины XIX в.), Гродненская, Виленская (значительная часть которой входит в современную территорию Республики Беларусь) — литовскими»³. При этом «только к 1840-м гг. XIX в. для правительства и чиновников Российской империи стало очевидным, что белорусы как народ проживают не только в Витебской и Могилевской губерниях, но и в Виленской, Гродненской и Ковенской», однако же «до конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. большинство местного населения не знало, что они белорусы»⁴.

Устойчивая традиция белорусской историографии наших дней заключается в локализации исследований именно современной территорией Республики Беларусь площадью 207,6 тыс. кв. км (исследовательница справедливо отмечает, что «в составе современной территории Республики Беларусь оказались часть Новоалександровского уезда Ковенской губернии и часть Августовского уезда Сувалкской губернии Царства Польского»⁵). Таким образом, характерные для избранной автором эпохи романтические эксперименты с географией, ярким примером которых являются попытки Зориана Доленги-Ходаковского (псевдоним Адама Чарноцкого, 1784–1825) расширить белорусские земли вплоть до Псковской и Новгородской земель⁶, в книге не рассматриваются. Но и без того изучаемое пространство обширно и разнообразно, отличия там «белорусского» от «литовского» до начала 1860-х гг. зачастую нераздельны, что органично дополняется исторически сложившимся культурным и ментальным доминированием Вильно на этой территории.

«Виленский вопрос» чрезвычайно актуален не только для первой половины XX века, но и для рассматриваемого в монографии периода. Представляется, что и в современной белорусской историографии 2020-х гг. сохраняются «ментальные плотины», существующие с позднесталинской эпохи, когда столицу Литовской ССР директивно

3 Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли... С. 17–18.

4 Там же. С. 32.

5 Там же. С. 18, 21.

6 См.: *Борисёнок Ю. А.* На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013. С. 53.

велено было именовать Вильнюсом, а не Вильно или Вильной. Е. Н. Филатова редко выходит за пределы этой традиции, но подобные исключения выглядят вполне убедительно: «Возможно, уже к 1830–1840-м гг., после изучения территории белорусско-литовских губерний, сложилось представление и о их национальном составе, облике, чертах характера, языке. Академик Российской академии наук П. Кеппен изучал население западных губерний и впервые создал “Этнографическую карту Европейской России”, которая была напечатана в 1851 г. Он очень критически отнесся к данным IX ревизии, в частности к данным о численности государственных крестьян Гродненской губернии, которая показала там наличие 132,7 тыс. душ мужского пола... литовцев, в то время как согласно полученным им данным их было всего 2,3 тыс. человек обоего пола. В основу своей методики П. Кеппен положил родной язык как один из ведущих факторов в определении этноса. На его карте, составленной по ревизии 1834 г., Вильна с регионами, которые прилегали к ней, кроме западных, была отнесена к белорусскому этносу. Результаты наблюдений П. Кеппена подтвердили офицеры Генерального штаба в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в.»⁷.

Весьма перспективной задачей для белорусских исследователей является верификация данных академика и одного из основателей Императорского Русского географического общества Петра Ивановича Кёппена (1793–1864) и его современников в части белорусского присутствия в Вильно и окрестностях. Продвижение в этом направлении научного поиска может стать интересным дополнением к сформулированным недавно точкам зрения литовских и западных исследователей, в частности Дарюса Сталюнаса и Теодора Р. Уикса⁸.

Логичным представляется структурное членение основного содержания монографии на семь глав, повествующих соответственно о территории и населении белорусско-литовских земель, их сословной структуре и занятиях жителей, участии в общественно-политической жизни, социальном аспекте войн и восстаний, браке и семье, а также быте и культуре в повседневном измерении. Разнообразие рассматриваемой тематики объединяет единство корпуса

⁷ Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли... С. 24–25.

⁸ Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022; Spatial concepts of Lithuania in the long Nineteenth century / ed. by D. Staliūnas. Boston, 2016; Weeks T. R. Vilnius between nations, 1795–2000. DeKalb, 2015.

привлеченных источников, повышенное внимание в котором справедливо уделено широко распространенному в «большом XIX веке» жанру воспоминаний; удачно встраиваются в систему доказательств автора и архивные документы из белорусских, российских, литовских и польских хранилищ.

Итоговый вывод Е. Н. Филатовой местами сформулирован необычно: «В какой-то степени период 1772–1860 гг. был довольно благоприятным для развития территории (исключая, конечно, периоды восстаний и войны). Речь Посполитая уже не существовала, разорванная между тремя государствами, и поэтому не могла оказывать сильного влияния; скорее “польскость” сохранялась, потому что была традиционной и были живы поколения людей, которые родились в этом государстве, образованная элита которого говорила на польском языке. Российская империя, получив территорию белорусско-литовско-украинских земель, не могла противопоставить влиянию “польских времен” образованных чиновников, учителей, православных миссионеров. Только с конца XVIII в. до 1812 г. она вела 15 войн, присоединив большое количество нерусских территорий, где также требовались эти же кадры, которых не хватало и в центральном регионе государства. Кроме того, слабые средства информации, нехватка переводчиков с польского, идиша и иврита для русских чиновников; непростая конфессиональная ситуация; смешанный национальный состав: белорусы, литовцы, латыши, украинцы, поляки, русские, немцы, евреи и татары; сложная территория белорусско-литовских земель с большим количеством лесов и болот, плохие дороги и т. д. Все это способствовало интересу к истории этой территории, изучению ее населения, его традиций и культуры»⁹.

Здесь обращает на себя внимание тезис о «благоприятности» периода для развития белорусско-литовских земель; в другом месте автор дополняет эту оценку следующим образом: «До начала 30-х гг. XIX в. для этносов белорусско-литовских земель сложилось довольно хорошее положение в плане национального развития, так как польская государственность уже не существовала и поэтому не могла оказывать колонизационного влияния, а Российской империи не хватало сил для оказания более сильного русификационного давления. Видимо, это было связано как с многочисленными войнами, которые вела империя... которые приводили, в ряде случаев, к присоединению новых территорий, так и с тем, что не только в белорусско-литовских,

⁹ Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли... С. 302.

но и в центральных российских губерниях не хватало образованных чиновников, учителей, православных миссионеров»¹⁰.

Такой подход разительно противоречит как более чем 200-летней традиции польской историографии, неизменно трактующей разделы Речи Посполитой в конце XVIII столетия и последующий безгосударственный период как крупнейшую геополитическую катастрофу, в которой нет и не может быть ничего «благоприятного» и «довольно хорошего», так и советским оценкам, в том числе и историков БССР, не видевших ни «благоприятного», ни «довольно хорошего» в «угнетении царизмом и помещиками трудящихся масс», составлявшем основное содержание этой эпохи с точки зрения марксистских трактовок.

Мнение автора о «благоприятности» исследуемого периода для развития белорусско-литовского региона стоит поддержать. Длительность военного и повстанческого лихолетья в эти без малого 90 лет была достаточно краткой, не исключая и напряженный для всего населения этих земель период с июня по декабрь 1812 г. Польско-русская война 1811 г., разразившаяся по причине вспыхнувшего 29 ноября 1830 г. восстания в Варшаве, затронула белорусско-литовские губернии неравномерно: «В Витебской и Могилевской губернии в мае — августе 1831 г. удалось сохранить относительно спокойное положение. Как отмечал генерал-губернатор князь Н. Хованский, наиболее неблагонадежных представителей дворянского сословия высылали из этих губерний в отдаленные регионы Российской империи, или во время восстания удерживали под строгим полицейским надзором. В списках неблагонадежных помещиков Витебской и Могилевской губерний числилось около 50 человек. И только после подавления восстания в Минской, Гродненской, Виленской губерниях и Царстве Польском высланных вернули на место жительства. А полицейский надзор за некоторыми из подозрительных лиц продолжался до 1840-х гг.»¹¹.

Подавляющее большинство землевладельцев-католиков восточнобелорусских губерний повстанцев не поддержало, о чем в 1836 г. свидетельствовал витебский, могилевский и смоленский генерал-губернатор П. Н. Дьяков: «Поляки все еще в лес смотрят, подобно волку, на которого и корм в селении не имеет влияния. Но со всем тем, однако же, во время последней польской революции помещики

10 Там же. С. 32.

11 Там же. С. 184–185.

Витебской губернии не высказали ничего резкого, что бы можно было обратить им в укор или в желание уклониться от настоящего их к правительству положения»¹².

Как представляется, тезис о «благоприятности» стоит распространить и на вторую половину «большого XIX века»: временной промежуток с 1861 до лета 1914 г. отмечен отсутствием военных действий на белорусско-литовских землях, внутренние конфликты серьезного масштаба ограничились столь же неравномерно, как и в 1831 г., затронувшим регион восстанием 1863–1864 гг. и революционными событиями 1905 г.

Дореформенная же «благоприятность» охватывает и шляхту этих территорий, продолжавшую в массе своей считать регион частью географического и культурного пространства Польши: «Участник восстания 1830–1831 гг. А. Рыпинский в своей работе “Białoruś...” (была издана в Париже в 1840 г.) отмечал, что, по его мнению, Белая Русь — это та же Польша и что “эта Русь, насколько она есть и будет польскою, составляет нераздельную часть нашего дорогого Отечества...”»¹³. Шляхтич из Витебской губернии Александр Рыпинский (1809–1886), приходившийся дальним родственником фельдмаршалу Иосифу Владимировичу Гурко, герою русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и энергичному деполонизатору на посту варшавского генерал-губернатора, вслед за Доленгой-Ходаковским включал в белорусские земли Великие Луки и Псков, а книгу свою посвятил «первому из белорусских мужичков, который сначала читать, а затем говорить и думать по-польски научиться»¹⁴. Подобные идеи вплоть до 1863 г. крамолы отнюдь не считались и встречались не только в Париже, но и в дозволенной цензурой печати в Вильно.

Власти спокойно относились и к параллельному бытованию титулования лиц благородного сословия: «В российской документации первой половины XIX в. отсутствовали четкие критерии употребления терминов “дворянин” и “шляхтич”»¹⁵; шляхтой чаще именовали наименее обеспеченных представителей сословия. Более того, «только в августе 1856 г. на уроженцев западных губерний были

¹² Там же. С. 128.

¹³ Там же. С. 140.

¹⁴ *Rypiński A.* Białoruś: kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc. Paryż, 1840. S. 5.

¹⁵ *Филатова Е. Н.* Белорусско-литовские земли в 1772–1860 гг.: человек и общество. С. 46.

распространены общероссийские правила приема на гражданскую службу и перемещение их из одного места в другое»¹⁶. Е. Н. Филатова верно подмечает и причины подобных явлений: «Российская империя, особенно на первых порах, не желая обострять отношений и вызывать волнения местного населения, вынуждена была искать поддержки и опираться на элиту присоединенных земель — шляхту, которая в основном была католической»¹⁷.

Основываясь на материалах РГИА, исследовательница приводит и данные о шляхетском сословии в регионе, которыми располагали в Петербурге: «По сведениям Министерства финансов, которые поступали из казенных палат, в белорусско-литовских губерниях в 1831 г. шляхты различных групп насчитывалось: в Виленской губернии — 26 434 души м. п., Витебской — 10 000, Гродненской — 9073, Минской — 32 643, Могилевской — 26 689, что составляло 104 839 душ м. п.»¹⁸.

Как известно, после 1831 г. имперские власти проводили жесткую политику верификации дворянского достоинства на территориях бывшей Речи Посполитой. В монографии справедливо обращается внимание на то, что процедура проверки наличия шляхетства была очень сложной для самих властей. Это было связано с «нехваткой переводчиков, которые бы знали старобелорусский... польский и латинский языки. Так, например, в Рогачевском уезде Могилевской губернии был всего один человек, который с трудом, однако мог читать документы, в Мстиславском — не было вообще никого, однако были 302 акты-вые книги»¹⁹. Логично заключить, что многолетние судебные тяжбы за признание дворянских прав (таковые, к примеру, в 1834–1917 гг. безуспешно вели в Оршанском уезде предки известного историка-полониста Ивана Ивановича Костюшко (1919–2018)²⁰) осложнялись не только негативным отношением юридической бюрократии к потенциально склонной к бунтарству мелкой шляхте, но и невозможностью грамотно использовать реально существующие архивные доказательства. В этой области нехватка образованных чиновников ощущалась не только в дореформенную эпоху.

16 Там же. С. 132.

17 Там же. С. 116.

18 Там же. С. 53.

19 Там же. С. 57.

20 *Борисёнок Ю. А.* 60 лет в строю, или патриарх славяноведения. Штрихи к портрету Ивана Ивановича Костюшко // *Studia Slavica-Polonica* (К 90-летию И. И. Костюшко). М., 2009. С. 11–21.

Извергнутым из дворянского сословия доводилось пополнять иные социальные прослойки: «Спецификой городов было и присутствие в них такой группы, как “граждане” — бывшей шляхты, которая не подтвердила свои права и жила в городе. Она существовала отдельно и к городскому обществу приписывалась только тогда, когда ее количество было уж совсем небольшим. По сведениям Витебской казенной палаты, на 1842 г. их насчитывалось: в Витебске — 9 человек, в Сураже — 1, Велиже — 8, Невеле — 13, Себеже — 5, Дриссе — 2, Полоцке — 17, Лепеле — 1 человек. Всего по Витебской губернии их было 66 душ м. п., а по Могилевской — 106 душ м. п.»²¹.

Тактика ориентации на местную шляхетскую элиту, на взгляд автора, обусловила и прочные позиции в регионе польского языка и католической веры: «Довольно длительное время российские власти относительно слабо вмешивались во внутренние дела присоединенных белорусско-литовских земель: сохранялся польский язык в образовании и печати и даже в некоторых административных структурах, в делопроизводстве и т. д. Правительство также практически не вмешивалось и в межконфессиональные споры из-за слабости господствующей в империи православной церкви (верующие которой считались русскими), и поэтому не обостряло отношения с потерявшей свое господствующее положение на присоединенной территории, однако богатой и очень влиятельной католической церковью (верующие которой считались поляками)»²².

Получается, что имперская бюрократия избрала курс на «невмешательство» в белорусско-литовские дела по причине «нехватки сил» для мероприятий в направлении русификации. Здесь стоит учитывать и вполне реальную в царствование Александра I и в условиях 20-летнего пребывания на посту попечителя Виленского учебного округа князя Адама Ежи Чарторыйского (1803–1823) политику культурной полонизации, при которой самым крупным университетом Российской империи в тот период был Виленский с преимущественно польским языком преподавания²³. К примеру, взгляды Рыпинского как типичного представителя эпохи закономерно сформировались в витебской гимназии, относившейся к университету в Вильно. Политика же русификации после 1831 г. вплоть до 1863 г. порой

21 Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли... С. 87–88.

22 Там же. С. 16.

23 См.: *Beauvois D. Wilno — polska stolica kulturalna zaboru rosyjskiego 1803–1832.* Wrocław, 2010.

артикулировалась, но в практической плоскости почти не осуществлялась. Властям было выгодно ориентироваться на «благонамеренное» большинство местной шляхты с ее традициями полонизма в условиях, когда «белорусскому мужичку» учиться грамоте было одинаково невозможно ни по-русски, ни по-польски.

Замечание же о «невмешательстве» правительства в межконфессиональные споры на белорусско-литовских землях относится исключительно к периоду до 1831 г. И если католическую церковь жесткие меры после неудачного восстания в тот раз практически не затронули (папа Григорий XVI повстанческую попытку осудил), то наиболее многочисленную паству униатской конфессии ожидали серьезные перемены. Е. Н. Филатова об упразднении унии в регионе в 1839 г. повествует кратко, такой подход вполне оправдан при наличии специальной монографии автора о конфессиональной политике²⁴. При этом чрезвычайно важно мнение Николая I, который в письме от 26 февраля — 3 марта 1839 г. наследнику престола великому князю Александру Николаевичу, будущему Александру II, восклицал: «Считаю, что в последнем столетии вряд ли было что важнее в политическом отношении для нашей матушки России»²⁵. Не склонный к восторженным эмоциям император не случайно ставил упразднение унии выше Отечественной войны 1812 г., русско-турецких войн или разделов Речи Посполитой. В глазах самодержца возвращение в лоно православия крестьянской массы белорусско-литовских земель, а также Волыни означало торжество именно политики русификации. В тогдашней имперской системе координат конфессиональное начало преобладало над языковыми и образовательными факторами, и такое отношение властей в целом сохранилось в белорусском случае вплоть до 1917 г.

В монографии убедительно показано, что и в дореформенный период бюрократия Российской империи в некоторых случаях официально признавала наличие белорусского языка: «Интересным было определение языка, которым был написан Статут ВКЛ 1588 г. и в котором он назывался “русским”. Так, 3 сентября 1828 г. обер-прокурор III Департамента Сената А. А. Владиславцев писал чиновнику

24 Филатова Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси, 1772–1860 гг.; см. также: Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 68–108.

25 Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I, 1838–1839. М., 2008. С. 336.

М. А. Трушковскому, что управляющий Министерства юстиции предписал отыскать и представить в польской Метрике первое печатное издание Литовского статута на белорусском языке 1588 года. Указом 17 ноября 1828 г. было принято решение о переводе на русский язык белорусского издания 1588 г. Литовского статута»²⁶.

В конце 1850-х гг. начинает проявляться и стремление властей отдать предпочтение кириллице в отношении белорусских текстов и не дать укорениться тенденции, развивавшейся Рыпинским и его современниками, публиковавшими белорусские народные песни, поговорки и т. д. на латинице: «Первое ограничительное вмешательство властей относится к 1859 г., и касалось оно именно алфавита. “Печатание азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку”, было запрещено. Русский язык, по мнению властей, включал в себя малорусское и белорусское наречия, и потому цензурный циркуляр специально уточнял, что следует “постановить правилом, чтобы сочинения на малороссийском наречии, собственно для распространения между простым народом, печатались не иначе, как русскими буквами”. Едва ли не первым пострадавшим от этого циркуляра оказался В. Дунин-Марцинкевич, который с 1855 по 1857 г. без всяких проблем издал в империи четыре книги на белорусском языке латиницей. Изданный же в 1859 г. тираж “Пана Тадеуша” А. Мицкевича был конфискован именно из-за латинского алфавита. Впрочем, власти возместили В. Дунину-Марцинкевичу расходы на это издание»²⁷.

Не менее характерно и признание значительной величины белорусского элемента в восточнославянском триединстве: «В этнографическом атласе (подготовленном по материалам X ревизии 1858 г.) выделены литовцы, латыши, поляки, немцы, евреи, татары. А вот малороссы, белорусы и великороссы объединены общим названием “русские”. И отмечалось, что “белорусы суть представители одного из трех больших национальных отделов русской народности вообще, а белорусский язык — одно из трех главных наречий русского языка”»²⁸. Спустя 78 лет, в 1936 г., видный сталинский соратник А. А. Жданов, занимаясь реформированием школьных учебников по истории, практически воспроизвел имперскую точку зрения конца 1850-х гг., только с разделением на отдельные народы. Вместо фразы

26 Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли ... С. 32.

27 Там же. С. 31.

28 Там же. С. 25.

авторов одного из учебников «Славяне — предки русского народа» Жданов вписал фразу «Впоследствии славяне, жившие в Восточной Европе, образовали три больших народа — русских, украинцев и белорусов»²⁹.

Но еще в 1810-х гг. отдельные духовные лица уверенно причисляли себя именно к «белорусской нации»: «Трудности с самоопределением были и у самого населения. Так, с конца XVIII в. в формулярных списках чиновников, духовенства была графа “какой нации”. Например, в списке чиновников-базилиан Виленской униатской митрополичьей епархии за 1815 г. 4 человека назвали себя “уроженцами литовскими”, 14 — отнесли себя к “литовской нации”, 2 — “польской нации”, 1 — “белорусской”, 1 — назвал себя “уроженцем волынским”, 1 — “уроженцем самогитским”. В ведомостях о количестве монахов за 1823 г. в православных монастырях к “белорусской нации” себя относил архимандрит Иосиф из Виленского Свято-Духовского...»³⁰.

Таким образом, обстоятельное исследование Е. Н. Филатовой добавляет немало важных и метко подмеченных штрихов к коллективному портрету общества белорусско-литовских земель в переломную эпоху 1772–1860 гг. Монография расширяет традиционные подходы к белорусской истории «большого XIX века» и обозначает важные направления дальнейшего исследовательского поиска.

Источники и литература

Борисёнок Ю. А. 60 лет в строю, или Патриарх славяноведения. Штрихи к портрету Ивана Ивановича Костюшко // *Studia Slavica-Polonica* (К 90-летию И. И. Костюшко). М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 11–21.

Борисёнок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: Родина Медиа, 2013. 352 с.

Вольнец А. Н. Жданов. М.: Молодая гвардия, 2013. 619 с.

Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

²⁹ *Вольнец А. Н.* Жданов. М., 2013. С. 189.

³⁰ Там же. С. 21.

Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I, 1838–1839 / под ред. Л. Г. Захаровой, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2008. 741 с.

Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.

Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли в 1772–1860 гг.: человек и общество. Минск: Беларуская навука, 2022. 335 с.

Филатова Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси, 1772–1860 гг. Минск: Беларуская навука, 2006. 192 с.

Філатава А. М., Яноўская В. В. Палітыка русіфікацыі на беларускіх землях ва ўмовах інэрцыйных працэсаў паланізацыі // На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы. Мінск: Беларуская навука, 2011. С. 79–106.

Філатава А. М. Саслоўная палітыка царскага ўраду на Беларусі. 1772–1860 гг. // Гістарычны альманах. 2002. Т. 6. С. 56–83.

Beauvois D. Wilno — polska stolica kulturalna zaboru rosyjskiego 1803–1832. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010. 824 s.

Rypiński A. Białoruś: kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc. Paryż: W księgótłoczni J. Marylskiego, 1840. 231 s.

Spatial concepts of Lithuania in the long Nineteenth century / ed. by D. Staliūnas. Boston: Academic Studies Press, 2016. 471 p.

Weeks T. R. Vilnius between nations, 1795–2000. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2015. 366 p.

References

Beauvois, D. *Wilno — polska stolica kulturalna zaboru rosyjskiego 1803–1832*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010, 824 p.

Borisyonok, Yu. A. “60 let v stroiu, ili Patriarkh slavianovedeniia. Shtriki k portretu Ivana Ivanovicha Kostiuszko.” *Studia Slavica-Polonica (K 90-letiiu I. I. Kostyushko)*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2009, pp. 11–21.

Borisyonok, Yu. A. *Na krutykh povorotakh belorusskoi istorii: obshchestvo i gosudarstvo mezhdru Pol'shei i Rossiei v pervoi polovine XX veka*. Moscow: Rodina Media Publ., 2013, 352 p.

Dolbilov, M. D. *Russkii krai, chuzhaia vera: etnokonfessional'naiia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 1000 p.

Filatava, A. M., Ianoŭskaia, V. V. “Palityka rusifikacyi na bielaruskikh ziemliakh va ŭmovakh inertsyŭnykh pratsesaŭ palanizatsyi.” *Na shliakhu stanaŭliennia bielaruskaŭ natsyi: historyiahrafichnyia zdabytki i prablemy*. Minsk: Belaruskia navuka, 2011, p. 79–106.

Filatava, A. M. “Sasloŭnaia palityka tsarskaha ŭradu na Belarusi. 1772–1860 hh.” *Historychny al'manakh*, 2002, no. 6, p. 56–83.

Filatova, E. N. *Belorussko-litovskije zemli v 1772–1860 gg.: chelovek i obshchestvo*. Minsk: Belaruskiaia navuka, 2022, 335 p.

Filatova, E. N. *Konfessional'naia politika tsarskogo pravitel'stva v Belarusi, 1772–1860 gg.* Minsk: Belaruskiaia navuka, 2006, 192 p.

Perepiska tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I, 1838–1839 / ed. by L. G. Zakharova, S. V. Mironenko. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, 741 p.

Spatial concepts of Lithuania in the long Nineteenth century / ed. by D. Staliūnas. Boston: Academic Studies Press, 2016, 471 p.

Stalyunas, D. *Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossiiskoi imperii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 376 p.

Volynets, A. N. *Zhdanov*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2013, 619 p.

Weeks, T. R. *Vilnius between nations, 1795–2000*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2015, 366 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.6.01

Yu. A. Borisyonok

The society of Belarusian-Lithuanian lands in the Long 19th century

Yuri A. Borisyonok

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Citation

Borisyonok Yu. A. The society of Belarusian-Lithuanian lands in the Long 19th century // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 443–457 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.6.01

Received: 15.01.2023.

Abstract

In 2022, the famous Belarusian historian Elena Filatova published a monograph on the processes of social development in the Belarusian-Lithuanian lands in 1772–1860. The book covers an important period for the formation of the imperial policy of Saint Petersburg on this territory and the mechanisms for adapting the local society to the realities of the Russian Empire. Based on various sources, including archival documents from the archives of Belarus, Russia, Lithuania, Poland, and Ukraine, the researcher examines various aspects of the life of the society of the Belarusian-Lithuanian region in the context of the transition from the traditions of statehood of the Polish-Lithuanian Commonwealth to the autocratic order. The author focuses on the changes in the social structure, changes in the lives of various social strata and specific people in a difficult time, full of wars and insurrectionary attempts. The monograph enriches and expands traditional approaches to the history of the Belarusian-Lithuanian lands in the Long 19th century, successfully supplements the usual picture of events with factors from the sphere of everyday history, linking the facts of the personal biographies of people of the period to the historical time.

Keywords

Belarusian-Lithuanian lands, history of Belarus, history of everyday life, Long 19th century, Belarusian historiography, E. N. Filatova.